

УДК 316.334.56

НАЗВАНИЯ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОГО ГОРОДА**В. А. Парамонова***Волгоградский государственный университет*

В статье анализируется трансформация социального пространства российского города в течение последних ста лет. Рассмотрены основные этапы формирования социального пространства города, и выявлена специфика каждого из них. Показана фиксация социального пространства города посредством изменения городских названий. Основное внимание уделено влиянию социально-политических преобразований на урбанонимы. Проанализированы базовые проблемы, порождаемые изменением топонимической системы города.

Ключевые слова: город, социальное пространство, топонимы, астионимы, урбанонимы.

The article examines Russian city social space transformation for over hundred years. The main stages of the formation of the city social space are examined and found the specificity of each. Fixation of the social space of the city is shown by changing the town nominations. The main attention is paid to the influence of socio-political transformations on urbanonyms. The author analyzes the basic problems arising from changes in toponymic system of the city.

Key words: city, social space, toponyms, astionimy, urbanonyms.

Начало XXI в., впрочем, как и предыдущее столетие, отмечено «революционным подъемом масс». В разных уголках мира вспыхивают так называемые «цветные революции», требующие признания своего (правильного, по их мнению) взгляда на мир и его устройство. Радикальные действия победивших «революционных масс» сопровождаются ритуальным сносом памятников вождям ушедших эпох. Пожалуй, наиболее ярким примером беспощадной борьбы с монументами на данном этапе являются недавние события на Украине. Однако подобные действия по уничтожению «наследия проклятого прошлого» характерны для всех революционных эпох, независимо от времени и континента. Благодаря современным средствам массовой информации сообщения об уничтожении памятников моментально распространяются по всему миру, попадая в горячую десятку новостей, как это было в случае сноса монумента Саддаму Хусейну в Багдаде в 2003 г. И на этом фоне совсем незаметно происходит отказ от ранее существовавшей топонимической системы города («определенным образом организованная совокупность топонимов» конкретного этноса в данный промежуток времени и на определенной территории) [9, с. 146].

Казалось бы, желание построения нового, правильно обустроенного мира и вопросы изменения топонимической системы и внешнего облика населенных пунктов – явления, которые существенным образом дистанцированы друг от друга. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что процесс переименования, снос «идеологически вредных» памятников и архитектурных сооружений (например, культовых строений) в большинстве своем вызвано потребностью новой власти приспособить имеющееся социальное пространство к победившей идеологии [12].

«Революционные массы» стараются полностью стереть из памяти народа все историческое прошлое, которое не соответствует новым требованиям политической реальности. Однако социальное пространство существует лишь при его фиксации, следовательно, должны быть обозначены свои символы-маяки, коими на протяжении веков и являются памятники и урбанонимы – названия городских линейных объектов (улиц, переулков, аллей и т. п.) [9, с. 154].

Новая власть радикальными способами пытается перекодировать полученное социальное пространство, приведя его тем самым в соответствие с новыми политическими и социально-экономическими реалиями. Социальное пространство представляет собой своеобразную «карту местности», на которой обозначены имеющиеся возвышенности, низины, плато и т. п. Причем «вершины» на подобной карте могут быть представлены как материальными носителями (ордена, архитектура, скульптура и пр.), так и нематериальными (гимны, топонимы и пр.).

Символы-вершины, которые начинает использовать новая власть, перекодируя ранее существовавшее социальное пространство, зачастую ставят индивида в тупик, т. к. происходит перешифровка некогда известных величин, позволявших человеку без особых усилий ориентироваться на местности. Причем ориентация происходит как в прямом, так и в переносном смысле. По тому, какие символы являются приоритетными в пространстве населенного пункта или страны, достаточно легко определить вектор ее движения. Ведь не случайно в отечественной практике существуют различия употребления двух типов сельских поселений – деревни и села. Различие их выражается не в количестве проживающих в конкретном населенном пункте, а в наличии или отсутствии в пространстве этого поселения церкви. Разрушение храмов в течение советского этапа и их восстановление в России

в последние несколько десятилетий является явным свидетельством не только изменения вектора движения от социалистической идеологии по направлению к демократии, но и попыткой своеобразного «ремонта» нарушенного предыдущей властью социального пространства.

Действия новых властей по переименованию позволяют им «справиться с пережитками прошлого». Для руководства любой страны значимой является активная работа по формированию своего социального пространства, что предполагает работу с остатками ранее существующего пространства. Данный процесс характерен для различных государств. Например, после провозглашения Греции республикой в г. Салоники появилась улица Национальной обороны, ранее называвшаяся улицей Королевы Софии [13]. В результате реформирования старого социального пространства человек утром может оказаться в иной стране, не меняя при этом своего положения в физическом пространстве. Подобная ситуация происходила в XX в. не единожды, когда за неполных сто лет население являлось то подданными Российской империи, то гражданами Союза Советских Социалистических Республик, а затем и Российской Федерации или одной из бывших социалистических республик. Очень тихо и незаметно, без смены места жительства человек вдруг переставал быть жителем города Царицын и становился сталинградцем, а екатеринбуржинец превращался в свердловчанина, и вполне вероятно, что основанием для подобных переименований являлись «просьбы трудящихся».

Через систему политических значимых маркеров (названий городов и их артерий – улиц, переулков, площадей и пр.), архитектуру, городскую скульптуру и пр. происходило и происходит насаждение политических идеалов каждой эпохи. Путем маркировки осуществляется формирование социально-символического пространства, удобного для власти. Социальное пространство должно соответствовать социально-политическим и экономическим реалиям нового времени, без этого удержание властных позиций невозможно. Старые символы-маркеры, идеологически не соответствующие новым общественным устремлениям, вступают в противоречия с желанием жить по-новому. Наличие в обществе одновременно существующих и антагонистически направленных символов-вершин будет напоминать ситуацию из басни И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука», что негативным образом скажется на всем обществе в целом, а у отдельного индивида будет формироваться состояние неуверенности в завтрашнем дне.

При сохранении географического и физического пространств социальное пространство одной и той же территории может радикаль-

ным образом изменяться в угоду политическим требованиям. Исчезают ранее значимые «маяки», например, г. Екатеринбург, г. Царицын или такие внутригородские названия, как улицы Архангельская и Воскресенская, Екатерининская или Ильинская и пр. Зачастую даже политически нейтральные по отношению к новой власти названия исчезали с карт города. Так, например, были переименованы улицы г. Царицына (ныне Волгограда), названия которых были образованы от наименований географических пунктов, территорий, гидронимов и т. п. (например, Ладожская, Пензенская и пр.).

Вероятно, причина смены совершенно нейтральных по отношению к советской идеологии названий вызвана тем, что они, как справедливо отмечает Т. Латыпов, «в противовес "революционным" своей особой певучестью и простотой настраивают на мирный лад» [7], а не на желание вести активную революционную борьбу и «перекраивать» мир в соответствии с воззрениями партии большевиков.

Формирование легитимного социального пространства современных российских исторических городов происходило в несколько этапов, которые можно условно разделить на три: имперский (царский), советский и постсоветский [8, с. 51]. Следует отметить, что в новых советских городах, таких как Комсомольск-на-Амуре, подобная смена этапов отсутствует. Это обусловлено тем, что социальное пространство новых социалистических городов сразу формировалось с учетом политических запросов советской власти.

На первом этапе формирование социального пространства городов происходило естественным образом в процессе развития конкретного населенного пункта. Площади и население городов увеличивались скачкообразно, в зависимости от политического и экономического положения населенного пункта. Названия улиц, площадей, переулков, тупиков и аллей возникали:

- от названий ворот и бастионов, а также церквей или направлений трактов (Бранденбургская, Спасская, Фридландская и пр.);
- по «профессиональной» принадлежности «конца» города (Гончарная и пр.);
- по компактности проживания представителей одного этноса (Грузинская и пр.);
- с учетом физико-географических особенностей местности (Сивцев вражек, Грунтовая, Горная, Моховая и пр.);
- от ойконимов – названий населенных пунктов (Бакинская, Дубовская и пр.);
- от антропонимов – имен, фамилий, отчеств (Александровская, Петровская и пр.);
- от гидронимов – названий рек или иных водоемов (Невская, Двинская и пр.);

• от определенных характеристик, присущих линейному объекту (Высокая, Тенистая, Песчаная и пр.) [10].

В результате урбанонимы образовывали неповторимое пространство города, в котором могли быть и Кошачий, и Коровий, и Бычий переулки [7]. И хотя, на взгляд современного человека, названия несколько странные, они помогают горожанам легко ориентироваться в пространстве своего города. Ведь наличие Бычьего или Козьего переулков даже чужаку говорило о том, что данный «конец» посада занимается определенным видом деятельности. Правда, сложно предположить, чем обусловлено появление названия одного из переулков г. Казани – Кошачьего, но от этого наименования, следует согласиться с Т. Латыповым [7], веет каким-то спокойствием и миром.

Таким образом, на первом (имперском) этапе названия отражали естественный процесс роста города, что позволяло приезжему достаточно быстро осваиваться в городском пространстве.

Второй (советский) этап можно условно разделить на несколько периодов: довоенный (с 1918 по 1941 г.) и послевоенный (с 1945 по 1989 г.), т. к. каждый из них имеет свою специфику.

В целом для данного этапа формирования социального пространства города характерен категорический отказ от контрреволюционных названий (пл. Крестовоздвиженская и пр. [4, л. 142]). В этот период изменяется идеологическая направленность урбанонимов. Улицы получают названия, знаменующие события и реалии новой жизни (ул. Заводская, просп. Metallургов, просп. «Красного Октября» и т. п. [6, л. 59]), увековечивающие деятелей и героев народно-освободительных движений, восстаний и революций (им. Урицкого, им. Розы Люксембург, им. Степана Разина, Марата и пр. [4, л. 142; 5, л. 63–65 и др.]).

В «обязательном наборе» топонимической системы городов Советского Союза должны были быть улицы им. В. И. Ленина, Советская, Коммунистическая и т. п. В социальном пространстве города формируется блок городских артерий, получивших свои названия в честь деятелей отечественной науки и искусства, «не запятнавших себя сделкой» с царским правительством (им. А. С. Пушкина, им. акад. И. Павлова и пр.).

Подобная практика нивелировала топонимическое пространство российских городов, делая их удивительно похожими, по крайней мере, с точки зрения именования городских линейных объектов.

Так, в 1923 г. специальная комиссия по празднованию шестой годовщины Октября-

ской революции в г. Царицыне вынесла решение о необходимости переименования «некоторых улиц города, носящих наименования, происходящих от разного рода святых и т. д.» [3, с. 207]. С этого времени начинается достаточно активный процесс ресимволизации социального пространства провинциального города. Улицы г. Царицына получали названия, соответствующие духу времени, обзаводясь приставкой *красно-* (Красноволжская, Краснознаменная и пр.), увековечивая имена видных политических деятелей марксизма, партии большевиков, участников Гражданской войны и борцов с царизмом и империализмом (им. Володарского, Буденовская и пр.), используя идеологически значимую лексику той эпохи (Советская, Комсомольская и пр.).

Великая Отечественная война внесла свои существенные коррективы в дальнейшее наименование городских артерий. В связи с ведением боевых действий на европейской части Советского Союза населенные пункты подверглись значительным разрушениям. Именно поэтому современные улицы исторических городов далеко не равнозначны улицам этих же городов до начала Великой Отечественной войны. Так, например, в августе 1942 г. после тысячи самолето-вылетов немецких бомбардировщиков и полугодового противостояния воюющих сторон с лица земли был почти полностью стерт г. Сталинград, а в августе 1944 г. налеты английской авиации уничтожили три средневековых города-посада, находящихся на территории Кенигсберга. В связи с этим многие улицы были уничтожены полностью, а в процессе восстановления городов из руин они были спрямлены, соединены и перестроены. Не только произошла смена мотивации, что было характерно для всей советской эпохи в целом, но и изменились форма, форманты, пропорции между ними.

После восстановления городов возникла потребность увековечить память защитников и освободителей населенных пунктов. В российских городах стали появляться такие названия, как улица Мира, площадь Победы, проспект маршала Жукова, улица Олега Кошевого и т. п.

Благодаря прорыву человечества в околоземное пространство в городах появились улицы Космонавтов. Городские линейные объекты начали называть в честь советских космонавтов: ул. Гагарина, пл. Титова и пр.

Следует отметить, что исследование Е. М. Поспелова, проанализировавшего географические названия четырех городов Советского Союза – Москвы, Минска, Донецка и Горького – показало, что социальное пространство этих городов содержит 33 % одинаковых названий, а «общее число повторений названий минских улиц хотя бы в одном из указанных городов составляет 70 % объема списка» [10].

Это позволяет говорить об определенной унификации социального пространства, вызванной идеологической направленностью советской эпохи, когда любой город имел ул. им. В. И. Ленина, ул. им. К. Маркса и т. п.

Таким образом, пространства советских городов, благодаря значительному единообразию как в застройке свободных площадей, так и в топонимической системе, приводились к определенной унификации. Именно подобное единообразие и послужило основой для кинофильма Э. Рязанова «Ирония судьбы».

Третий (постсоветский) этап использует опыт предыдущих периодов при формировании социального пространства города. Для этого времени характерно обращение к историческим корням – улицам, переулкам, площадям и т. п., возвращались их исконные названия (ул. Мещанская 2-я, Воздвиженка и пр.).

Однако при восстановлении исконных названий в ряде случаев возникают трудности. Так, площадь им. Дзержинского не имеет отрицательной коннотации, в отличие от первоначального названия *Лубянка*. Удивительный факт, но исконное название, несмотря на то что оно было официально «забыто», продолжало существовать в топонимической системе Москвы, влияя на формирование социального пространства столицы советского государства. И процесс ресимволизации в данном случае вызывал неоднозначные оценки россиян.

Причем, как отмечает Л. И. Рабаданова [11, с. 122], в полиэтнических городах сложилась своеобразная ситуация в процессе переименования городских линейных объектов. Ее объяснение исследователь видит в том, что формирование годонимов (названий линейных объектов в городе) [9, с. 50–51] происходит «на базе функционирующего в данной местности языка или языков». Так, в Дагестане представлены три языковых семьи: кавказская, тюркская, индоевропейская. И, как указывает исследователь [11, с. 123–124], «под давлением этно-клановых групп стали переименовывать улицы города в честь известных представителей соответствующих "семей"», что далеко не все жители воспринимают такие нововведения позитивно.

Таким образом, третий этап в формировании социального пространства российских городов представляет собой далеко не завершённый процесс.

Попытки последнего столетия в очередной раз изменить топонимические системы городов приводят, как справедливо отмечает Л. Н. Рабаданова [11, с. 122], к возникновению в обществе напряженности. Многие улицы носят имена «пламенных революционеров», которые, как теперь выясняется, имели отношение к так называемому красному террору в период революции и

Гражданской войны. Несомненно, социальное пространство советских городов было значительным образом идеологизировано, однако в большинстве своем жители уже привыкли к этим названиям, и прежде чем «перекраивать» привычное пространство города в угоду процессу деидеологизации, являющемуся, в принципе, очередным политическим вектором движения, необходимо поинтересоваться мнением самих горожан по поводу возможных изменений.

Безответственное отношение к существующим городским названиям приводит к ситуациям, когда одновременно в разных концах города существуют улицы с одинаковыми названиями (например, ул. Центральная, ул. Кузнецкая) или когда отказ от предыдущего названия, как отмечает Т. Гасанова, затрудняет ориентацию в городе: «С Комсомольским проспектом одним запутаешься, пока едешь. Где Насрутдинова, где Расула Гамзатова, где Петра Первого!» [цит. по: 11, с. 123]. Именно подобные случаи требуют корректировки топонимической системы города. Однако, оценивая сложившуюся ситуацию по переименованию годонимов, Ш. Гасанов приходит к выводу, что вся эта «перекодировка» вызвана не какими-то формальными обстоятельствами, а является свидетельством определенной «тенденции по вытравлению из сознания людей имен исторических личностей и реальных событий» [цит. по: 11, с. 123]. И ведь, если обратиться к опыту европейских стран, то там в значительной степени сохраняются исторические названия городских артерий, да и памятники стоят на своих постаментов не одно столетие. Видимо, сохранность городских названий и монументальных построек свидетельствует не только и не столько о развитых демократиях, сколько об эволюционном (а не революционном) этапе развития. Для России характерен, по крайней мере в последние сто лет, путь именно революционного развития со всеми характерными для такого развития изменениями.

Таким образом, в истории российского города насчитывается различное количество уровней формирования социального пространства в зависимости от времени и истории развития конкретного города. При этом процесс деидеологизации социального пространства городов, характерный для 90-х гг. XX в., зачастую оказывается для пространственной ориентации горожанина не менее разрушительным, чем радикальная перекодировка начала XX в. И при этом следует отметить, что сам принцип наименования сохраняется, несмотря ни на какие социально-политические коллизии и экономические реформы. Названия улиц образованы от антропонимов, гидронимов, ойконимов [9, с. 30–31, 46–47, 93], физико-географических особенностей местности,

профессий, национальностей и т. п. Так, например, по нашим подсчетам, в Волгограде на наименования, образованные от антропонимов и ойконимов, приходится приблизительно по 30 % от всех названий улиц (источник: [1]).

Несмотря на наличие сходных элементов, используемых при формировании социального пространства, существует и ряд отличий, характерных для разных исторических периодов в истории города и страны. Для советского этапа характерен тотальный отказ от своего исторического прошлого в соответствии с лозунгом «До основанья мир разрушим». Именно желание построить свой, новый мир, отринув все старое, заставляло реформаторов активизировать процесс ресимволизации. Несмотря на то, что постсоветский период также активно используется ресимволизация для формирования иного, не советского социального пространства как страны в целом, так и каждого отдельного города, объяснение этому процессу иное, чем в советскую эпоху. Если социальное пространство СССР и советских городов формировалось в борьбе с царским прошлым, то постсоветская эпоха прошла под лозунгом «возврата в лоно своего исторического прошлого», т. е. отличалась максимальным обращением к досоветской истории. Процесс ресимволизации конца XX в., так же как и в советское время, сопровождался борьбой с «каменными истуканами» и дебатами по возврату исторических названий различным населенным пунктам и улицам. Однако этот период имеет свою специфику. При всей нелюбви демократов к советскому прошлому процесс ресимволизации социального пространства населенных пунктов был менее разрушительным, чем в годы советской власти, благодаря чему

в городах сохранились названия улиц, площадей и пр., характерных для предыдущего периода – ул. им. В. Ленина, им. К. Либкнехта и пр.

К тому же нельзя не отметить, что Великая Отечественная война оказала свое влияние на формирование социального пространства российских городов – появились такие названия, как ул. Мира, ул. Победы и т. п. Особенно это характерно для городов европейской части России, через которые прошли боевые действия, сохранившие в названиях улиц память о войнах, подразделениях и армиях, защищавших их рубежи. Так, в Волгограде «военные названия» (ул. 39-я Гвардейская, ул. 8-я Воздушная армия, пр. им. Г. К. Жукова и пр.) составляют около 8 % от общего количества всех наименований (источник: [1]).

Таким образом, социальное пространство городов России XX в. формируется тремя уровнями: царским (имперским), советским и постсоветским. Каждый из этих исторических отрезков оказывал и оказывает по сей день существенное влияние на процесс формирования социального пространства страны в целом и ее отдельных частей. Причем эти периоды, несмотря на всю внешнюю противоречивость, при ближайшем рассмотрении близки по своей сути. Следует учитывать, что лицо города формируется не только материальными символами (архитектурно-скульптурными сооружениями), но и нематериальными – топонимической системой.

В целом топонимическая система является отражением истории, становится своеобразным мемориалом различным социально-политическим событиям в обществе. Топонимы – одна из составных частей социального пространства города.

Список литературы

1. Адресный реестр Волгограда и Волгоградской области. URL: <http://www.volgainfo.ru/streets/address.aspx?adrid=c643r34t001> (дата обращения: 25.11.14).
2. Все улицы Москвы. URL: <http://street-moscow.ru/ulicy-i-pereulki-moskvy-1881/knyazhevskoj-konuschki.html> (дата обращения: 03.10.2014).
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 237. Л. 207.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 71. Оп. 1. Д. 54. Л. 138 об. 142.
5. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 71. Оп. 1. Д. 367. Л. 63–65.
6. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 71. Оп. 1. Д. 1218. С. 59.
7. Латыпов Т. Их именами... // Вид. URL: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-26541.htm> (дата обращения: 03.10.2014).
8. Парамонова В. А. Социальное пространство города: отражение в названиях улиц // Власть. 2010. № 12. С. 50–53.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
10. Пospelов Е. М. Туристу о географических названиях. М., 1988. URL: http://www.skitalets.ru/books/names_pospelov/ (дата обращения: 01.10.2014).
11. Рабаданова Л. Н. Годонимы полиэтничного города в аспекте переименования // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 5. С. 122–124.
12. Регион: пространство смыслов и содержание / Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев; под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2013. 294 с.
13. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. URL: <http://www.abroad.ru/library/termin/5.php> (дата обращения: 5.10.2014).